DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07

БЕЛОРУССИЯ: НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

К.Е. Коктыш

КОКТЫШ Кирилл Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России, Москва, email: kirill.koktysh@gmail.com

Коктыш К.Е. Белоруссия: новая геополитическая реальность? – Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 91-110. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07

Статья поступила в редакцию: 02.11.2020. Принята к печати: 29.01.2021

Аннотация. Начавшиеся после президентских выборов в Белоруссии массовые протесты породили целый ряд вопросов политической теории и практики. В какой степени эти события явились очередной попыткой "цветной революции", а в какой – результатом внутренних противоречий и ошибок власти? Почему весьма высокий политтехнологический уровень обеспечения протестов не повлиял на конечный исход белорусского противостояния? В числе причин последнего автор выделяет неудачу протеста в части создания собственного "символического пространства", которое могло бы стать смысловым и управленческим центром, провал попыток расколоть правящую элиту (в результате врагом стала объявляться "система в целом") и взятый протестом на вооружение негативный концепт свободы (по сути восходящий еще к вольтерьянской традиции, в рамках логики которой свобода – "это то, что было утеряно" с появлением государства, но не то, что можно определить позитивным образом). Легко увидеть, что в такой когнитивной рамке "врагом свободы" назначено государство, но неясным остается то, что такое свобода, как и на какой траектории она может быть обретена. Неопределенность концепта вскоре трансформировалась в определенность национализма, и протест стал оформляться как противостояние "новой нации" "отжившему государству". При этом не возникло никакой позитивной программы "завтрашнего дня". Понесло потери и государство: идеология "пробелорусскости", представлявшая собой синтез концепта порядка и культурного национализма, раскололась, государство осталось с "оголенным" концептом порядка, тогда как протестующие приватизировали национализм. Кроме того, в рамках прагматики сближения с Западом после 2014 г. белорусский режим фактически закрыл глаза на утрату собственного доминирования в информационном пространстве. Борьба в этом пространстве обрела форму противостояния "идеи без институтов институтам без национальной идеи", т.е. идеи нового национализма – идее порядка. Такое противопоставление оказалось выигрышным для государства и проигрышным для протеста: протестная идея в итоге деградировала до симулякра, содержательное управление которым едва ли возможно. Автор задается вопросом о возможностях и направлениях анонсированной внесением правок в конституцию "пересборки" белорусской политсистемы. Эти правки наверняка будут сводиться к увеличению роли партий, в силу чего существуют риски, что нынешнее противостояние может быть не столько разрешено, сколько трансформировано, адаптировано к новым формам. Поэтому России в отношениях с Белоруссией придется прибегать как к межпарламентской, так и межпартийной дипломатии.

Ключевые слова: Белоруссия, протесты, цветные революции, концепции свободы, геополитика.

Длившиеся полгода протесты после президентских выборов в Белоруссии стали неожиданным, и во многом принципиально новым развитием на постсоветском и глобальном пространствах. Привычные стереотипы оказались

нарушены как минимум дважды. Во-первых, для страны, устойчиво обеспечивавшей достаточно высокий уровень социальной справедливости, явным отклонением были масштаб, интенсивность и продолжительность протестов: на пике те отмобилизовали беспрецедентные для Белоруссии 150 тысяч участников. Во-вторых, ошеломляющее начало белорусской "цветной революции" не имело столь же сильного продолжения: на поверку та оказалась довольно ригидной стратегией "одного удара", где возможность содержательного маневра являлась исключенной альтернативой. Белорусская власть в этой ситуации была более гибкой и смогла устоять. В результате белорусская революция, опиравшаяся на безупречную, с точки зрения политтехнологий, организацию протестов и не испытывавшая недостатка в ресурсах, не состоялась, превратившись всего лишь в существенный, но тем не менее вполне преодолимый вызов для политсистемы. Последняя сумела пережить шторм, перейдя к консолидации на привычных для себя основаниях. С учетом этого опыта актуальной становится задача пересмотра привычных представлений о "цветных революциях": если кейсы Венесуэлы и Гонконга до сих пор можно было полагать случайными исключениями в их победоносном шествии, то теперь уместной становится постановка вопроса о закате их эры: они явно перестают быть эффективной технологией смены власти, на глазах превращаясь в "истории провалов".

Действительно, впечатляющий всплеск протестов, потрясших политсистему, по прошествии времени все более обретает черты постмодернистской "неовойны" [Эко 2007: 21], в отношении смысла и пафоса которой, изначально выглядевших для ее "рядовых" безупречными, перманентно нарастает количество вопросов, остающихся без ответа. Символы борьбы остались символами, не обретя связующего их с реальностью содержания [Бодрийяр 2000: 16], и в итоге превратившись в чистый симулякр [Бодрийяр 2015: 23]. Революционные идеи, долженствующие вдохновить "протестную массу", не "проросли": вспыхнув и на какой-то момент воспламенив умы значительной ее части, овладеть ими они не сумели, и в итоге потускнели, существенно утратили свою былую привлекательность и сократили свой охват до традиционного для оппозиции маргинального минимума. Власть же, напротив, не только выстояла, но и убедительно подтвердила свою легитимность, успешно и при полном отсутствии протестов проведя 11-12 февраля VI Всебелорусское народное собрание. В этом контексте белорусский кейс становится значимым прецедентом, который формирует контуры и принципы новой реальности – как региональной, так и геополитической.

БЕЛОРУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Ключевым для понимания специфики белорусского социального контракта является факт ярко выраженной ориентации ее экономики на экспорт, преимущественно в Россию, ЕС и Китай. Экспорт в Россию в основном составляет высокотехнологичная продукция, в ЕС – продукты нефтепереработки, а в Китай – пищевая продукция. Главные игроки по всем трем направлениям – предприятия государственной формы собственности. Наиболее крупные промышленные предприятия – бывшие монополисты советской экономики – ориентированы на российский рынок. На поддержание и воспроизводство этого "костяка экономики" по преимуществу ориентирована вся социальная инфраструктура, начиная с образовательной. Их реанимация в первой половине 1990-х годов, осуществленная Лукашенко за счет восстановления связей с Россией, а затем и создания Союзного государства, позволила сохранить,

вместе с социальной стабильностью, городской тип политической культуры [Коктыш 2019: 120-125] Белоруссии. Без этих предприятий, являющихся крупнейшими работодателями, высокий уровень урбанизации, достигнутый в советский период, был бы попросту невозможен.

В противном случае реальностью стал бы печальный опыт деурбанизации (и депопуляции) соседних Литвы и Латвии, а после недавних событий – и Украины. Собственно, именно превалирование городов, с их ориентацией на производственную культуру и вытекающее из этого разделение труда, и обеспечивает, как показал Фуко, "возрастающую мягкость" [Фуко 2015: 35] стиля взаимодействия власти и общества, несопоставимую с его традиционной нормативной жесткостью и жестокостью в условиях доминирования культуры патриархальной, манифестации которой мы, например, наблюдали в бескомпромиссной стилистике реализации украинского майдана, в активистах которого были выходцы как раз из западных аграрных областей. Вместе с переходом от черно-белой репрезентации картины мира к полутонам, в городской культуре инструменты управления становятся куда более точечными и процедурными, в изрядной степени лишаясь своей брутальности, превращаясь по сути в биополитику и реализуясь через "микровласть" [Фуко 2010: 239].

Сегодня эти промышленные комплексы не просто функционируют, но и являются в ряде случаев незамещаемым участником региональных и глобального рынков. В частности, Белоруссия является глобальным игроком на рынке калийных удобрений, равно как – одним из двух существующих в мире производителей карьерных самосвалов грузоподъемностью до 450 тонн. Критически важным для российского ВПК является Минский завод колесных тягачей. Оба белорусских НПЗ и предприятия нефтехимии тесно интегрированы с российской нефтяной отраслью. Ключевым для их функционирования по-прежнему является союзный фактор: практически весь высокотехнологичный экспорт завязан на российский рынок. В отличие от большинства стран Восточной Европы, где в результате приватизации стали доминировать иностранные корпорации, а роль государства в значительной мере свелась к политическому обеспечению их присутствия, белорусское государство в полной мере сохранило за собой и монополию в части извлечения и распределения критически важной для жизнеспособности политсистемы экспортного дохода. Гарантируя обществу относительно справедливое его распределение, равно как и сохранение приемлемого уровня социальных благ, властная элита Белоруссии еще в 1990-е годы уверенно монополизировала и политическую сферу.

И такого рода контракт, в терминологии Хиршмана соответствующий парадигме "выхода" [Хиршман 2009: 29-32], был обществом принят: без особых потрясений белорусский политический процесс надолго обрел формат внутриэлитных переговоров, в то время как функционал публично-политической сферы преимущественно стал сводиться к легитимации принимаемых "вверху" решений. Белорусский режим, конечно, в этом отношении был и остается весьма далеким от культивировавшегося в западных медиа образа "последней диктатуры Европы". Театральный принцип "короля играет свита" более чем справедлив для понимания природы белорусского процесса принятия политических решений. И накануне протестов режим скорее характеризовался неполитизированностью публичного дискурса, компенсируемой, с одной стороны, высокой внутренней переговорной активностью, а с другой – неукоснительно гарантируемой государством высокой степенью социальной справедливости.

Что логично: при небольшом количестве формирующих экономическую реальность субъектов непубличное решение текущих вопросов в режиме прямой коммуникации с властью является для них меньшей издержкой, нежели вынесение этой проблематики в политическое поле. Власть в этой конструкции по сути превращается в брокера, гарантирующего для предприятий жизненно важные для них внешние контракты.

Что примечательно, такая структура социального контракта делала излишним жесткий контроль публичного пространства. Минск и до 2014 г., когда он обрел статус международной переговорной площадки по Украине, демонстрировал довольно высокий уровень плюрализма: в условиях фактического отсутствия экономической повестки дня у радикальной оппозиции (последняя в лучшем случае генерировала заведомо маргинальный либертарианский дискурс) это не представляло никаких существенных угроз для власти. А после 2014 г., когда ЕС нормализовал отношения с Белоруссией на условиях Минска, сняв практически все свои требования, медийный плюрализм стал культивироваться белорусской властью, вплоть до фактической уступки возможности формировать повестку дня сетевым оппозиционным СМИ. Последняя была, разумеется, непреднамеренной: в рамках прагматики расширения контактов с Западом Минск стал с готовностью закрывать глаза на финансирование из-за рубежа многочисленных прозападных НГО – которые, оставаясь незарегистрованными де-юре, де-факто не испытывали дискомфорта в своей повседневной деятельности. Наиболее ярким примером тут может служить финансируемый Польшей оппозиционный телеканал спутникового вещания "Белсат": отсутствие официальной регистрации не мешало ему иметь свои корпункты в Белоруссии, и присутствовать на всех важных мероприятиях. Собственно, все эти особенности белорусского режима, довольно резко контрастирующие со стереотипными представлениями о позднесоветском авторитаризме, и позволяли Лукашенко троллить Запад, на встречах с западными лидерами иронично приветствуя их "в столице последней диктатуры Европы": этот эпитет очевидным образом обрел все качества бодрийяровского симулякра. Действительно, белорусская политическая реальность накануне волны протестов внешне ничем не отличалась от "восточноевропейской нормы".

Устойчивость этого контракта была поколеблена несколькими факторами. Во-первых, внутри Белоруссии появился новый игрок, полагавший этот контракт для себя невыгодным. Извлекая свой доход на западном рынке, где патронат со стороны белорусского государства заведомо неэффективен, он логичным образом полагал существующие правила игры несправедливыми. Речь идет об IT-секторе, возникшем на базе белорусского Парка Высоких Технологий: изначально получив от государства существенные налоговые льготы, тот довольно быстро вышел на высокий уровень доходности, превратившись в своего рода аутсорсинговый "цифровой офшор", ориентированный на американский рынок. Вопросом времени было то, как быстро и на каком уровне доходности внутри IT-сектора начнут вызревать политические амбиции – которые в экономическом измерении по определению сводились бы к минимизации непродуктивной для него издержки в виде оплаты не работающих на его рынках гарантий белорусского государства.

Вторым значимым фактором, способствовавшим эрозии контракта, стала политика многовекторности: курс на нее был провозглашен в 2014 г., но де-факто она начала проводиться гораздо раньше. Жесткий торг Минска

с Москвой по поводу цен на углеводороды давно перестал восприниматься драматически и превратился в данность, а сценарий *“chicken game”* стал едва ли не наиболее часто воспроизводящимся жанром белорусско-российской коммуникации, который распространялся и за пределы углеводородной повестки дня. Объектом президентского арбитража периодически становились самые разные конфликты хозяйствующих субъектов. В сфере двусторонних отношений это блокировало развитие институтов Союзного государства, остающихся фактически на уровне середины 1990-х годов. Торг на практике все чаще превращался в “игру с нулевой суммой”, где победа одной стороны неизбежно становилась поражением другой [Нейман, Моргенштерн 1970: 131-133]. Впрочем, само по себе это вряд ли имело бы серьезные последствия для устойчивости белорусской политсистемы, если бы не поляризация отношений Запада и России, начавшаяся с известных украинских событий 2014 г.

В новой реальности маневры между расходящимися центрами силы, ставшие привычным инструментом двустороннего торга, предсказуемо вели к эрозии идеологических оснований белорусской власти: ценность геополитического выбора из величины стабильной стала превращаться в величину переменную, которая регулярно ставилась под сомнение в соответствии с конъюнктурой и логикой поднятия ставок. Как следствие, на месте идеологических ценностей возникал вакуум, а общество обнаруживало себя в некомфортном качестве пассажира, от которого по большому счету не зависит направление движения. Логика очередного витка торга – а последний его раунд продолжался полтора года, так и не завершившись к моменту выборов, – стала вести к заполнению этого вакуума, с молчаливого согласия власти, прозападными и националистическими ценностями, которые в условиях поляризации ситуативно превращались в антироссийские. Власть рассматривала последние как потенциально безопасный для себя фактор, на фоне которого она предсказуемо будет единственно приемлемой для России альтернативой.

Естественно, такое положение дел довольно рискованно оголяло идеологические основания существующего порядка. Последние и без того были непрочными: у белорусского режима, как части “великого лимитрофа” [Цымбурский 2000], те и не должны были быть настолько устойчивыми, чтобы ограничивать власть в ее геополитическом балансировании: функционал последних состоял в легитимации внешней политики, но никак не в структуризации политики внутренней. Кроме прочего, это объясняет и легкость идеологической эволюции режима, совершавшего повороты, невозможные в ином случае. Так, общедемократическая идеология начала 1990-х годов с приходом к власти Лукашенко в 1994 г. сменилась на пророссийскую [Коктыш 1999], а затем – на пробелорусскую, которая по структуре своей представляла собой синтез концепта порядка и мягкого культурного национализма. Такому национализму, в свою очередь, противостоял национализм радикальный – вполне маргинальный, ассоциирующийся первым делом с БНФ и находящимся в эмиграции его бывшим лидером Зеноном Позняком. Нетрудно заметить, что устойчивость концепта порядка прямо коррелирует с экономическими результатами: пока власть их может демонстрировать, противостояние “светского” и радикального национализма легко решается в пользу первого. Но вот в случае их отсутствия конструкция легко “провисает”, и порожденная депривацией радикализация настроений предсказуемо качает маятник в сторону национализма радикального. Опорой власти в этом случае остается только концепт порядка и связанные с ним инсти-

туты, чего явно недостаточно для восстановления легитимности. Как отмечал в связи с этим Т. Парсонс, "легитимность нормы не может также определяться нижними в иерархии контроля факторами – например, тем, что что-то должно быть сделано каким-то специфическим образом потому, что на карту поставлена стабильность или даже выживание системы" [Парсонс 1993: 102-103].

Третьим значимым фактором, "черным лебедем", поставившим под вопрос жизнеспособность всей конструкции, стала пандемия и избранный властью стиль ее менеджмента. Возникнув в период охлаждения отношений с Россией, пандемия довольно тяжело ударила по экспортоориентированной экономике Белоруссии. Падение ВВП за первые пять месяцев 2020 г. по официальной статистике составило 1,8%, промышленное производство сократилось на 3,9%, оптовый товарооборот упал на 10,1%, а в общепите – почти на 18%. На этом фоне власть решила воздержаться от введения карантинных мероприятий, что предсказуемо вызвало рост недоверия среди населения, интерпретировавшего решения власти как прямое пренебрежение его здоровьем. По иронии судьбы белорусская власть имела основания для подобной политики – в нелиберальной Белоруссии не проводилось "оптимизаций" медицинской сферы, и больничная инфраструктура вполне могла справиться с возросшей нагрузкой без чрезвычайных мобилизационных мер. Более того, в итоге так и произошло – драматичной разницы в статистике заболеваемости в Белоруссии и других странах, вводивших карантин, не возникло. Теоретически это был выигрышный козырь, который власть могла использовать как весомый аргумент в части укрепления своей легитимности. Но на практике коммуникационная политика обернулась полным провалом: власть начала говорить не о существующем запасе прочности, а об опасности экономических потерь. В результате общество ей не поверило, в качестве ответной реакции возник стихийный "народный карантин", когда население стало самостоятельно "самоизолироваться" и уходить, где это было возможно, на дистанционную работу, чему государство разумно не препятствовало. Тем не менее, инициатива власти, а вместе с ней и ее доминирующие позиции в информационной сфере, оказались утерянными. Главную роль в формировании повестки дня стали играть многочисленные оппозиционные, преимущественно сетевые, СМИ.

В результате накопление количественных изменений поставило под вопрос возможность сохранения прежнего качества. Незыблемость белорусского социального контракта, готовность и способность власти его выполнять стали вызывать сомнения даже у включенной в него части общества. А "проседание" экономики в условиях кризиса стало фактором, разрушающим конструкцию "пробелорусской" идеологии власти, жестко противопоставив две ее компоненты друг другу: национализм – как флаг противостоящей власти оппозиции, и институциональный порядок – как опора власти, вынужденной обосновывать в новых условиях свою легитимность *per se*, без какой-либо опоры на ценности. Наконец, в ситуативной слабости государства связанные с IT-индустрией экономические игроки увидели шанс навязать ему новый контракт, на политическом уровне закрепив обретенный ими экономический вес.

ИДЕИ ПРОТИВ ИНСТИТУТОВ

Складывающаяся комбинация факторов не могла не привлечь заинтересованного внимания внешних игроков, в первую очередь западных, в течение двух с лишним десятилетий поддерживавших вялотекущую борьбу демокра-

тической оппозиции против "последней диктатуры Европы". Это вполне логично, если учесть, что локальная игра с нулевой суммой Москвы и Минска (с призом в виде цен на углеводороды) происходила на фоне куда более масштабной, но аналогичной по структуре уже геополитической игры с нулевой суммой между Западом и Россией. Ослабление внутренней поддержки белорусской власти и, что самое существенное, становление IT-сектора как экономически самостоятельного игрока с политическими амбициями позволяло конвертировать эту игру двух участников в куда более вариативную в плане исходов игру трех и более участников [Нейман, Моргенштерн 1970: 245-246, 260-262]. В этой "большой игре" стало вырисовываться четыре актора: белорусский субъект впервые в своей новейшей истории вполне мог расколоться на два, на власть и оппозицию, где каждый из участников под своими политическими амбициями имел бы еще и собственную ресурсную базу. До сих пор такого не было: как уже отмечалось, "прежняя" белорусская оппозиция весь период независимого существования Белоруссии была исключительно культурно-политической, никак не связанной с экономическим фундаментом. "Новая" же оппозиция такой фундамент имела. Вопросом времени было ситуативное размежевание этих двух субъектов по критерию "пророссийскость-прозападность": ключевым фактором оказывались не идеологические предпочтения, а ориентация на соответствующие рынки, *"ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше"*[1]. Как следствие, возможный приход к власти оппозиции автоматически менял все "большие" расклады самым драматичным и кардинальным образом. В результате за год до выборов, в конце августа 2019 г. Минск посетил тогдашний советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон[2], а в феврале 2020 г. – глава госдепартамента США Майкл Помпео[3]. Оба визита состоялись в период интенсивного торга Минска с Москвой и предсказуемо были использованы Минском, привычно продолжавшим использовать торг с Москвой для обострения и поднятия ставок. Более того, Помпео этому прямо поспособствовал, предложив поставки на белорусские НПЗ американской нефти в качестве альтернативы российской.

В дальнейшем развитии событий внешний интерес продолжал неизменно ощущаться. Речь не только о группе телеграм-каналов польского базирования с двухмиллионной аудиторией "Нехта" (по-русски – "некто"). Этот медиа-гигант, по официальной версии поддерживаемый двумя беглыми белорусскими студентами, но при этом демонстрирующий способность функционировать в режиме полноценного СМИ, проявил способность в реальном времени организовывать и координировать протест, опираясь на разветвленную и информированную корреспондентскую сеть, демонстрируя высокий уровень политтехнологий и генерируя десятки постов в день. Белорусские постэлекторальные протесты с самого начала жестко противопоставили идею свободы государственным институтам, последние стали трактоваться как ее "узурпаторы". Практически сразу эта идея предсказуемо обрела националистическую окраску: в публичный оборот стали активно вводиться вполне знакомые со времен украинского майдана мемы про

[1] Матф. 6:21.

[2] Бурчаков А. Поговорили о суверенитете: зачем Болтон приезжал в Беларусь? – *BBC News*. 29.08.2020. URL: https://www.bbc.com/russian/features-49511381 (accessed 11.04.2021).

[3] Гришин А. Помпео в гостях в Минске услышал от хозяев все, что хотел. – *Комсомольская правда*. 01.02.2020. URL: https://www.kp.ru/daily/27086.5/4158325/ (accessed 11.04.2021).

"рождение в Белоруссии новой нации", которые затем и вовсе подменили собой изначальную идею свободы. В целом можно говорить об устойчивой реализации матрицы "цветных революций", когда воспроизводились ее основные, уже многократно описанные, приемы [Почепцов 2005].

Первый в их числе – жесткая технология "расчеловечивания власти". Так, если украинский майдан наделял власть Януковича ярлыком мрачной, злой, криминальной и коррумпированной силы [Тертеров 2016: 24], то в белорусском случае против власти технологи пытались инвертировать базовые метафоры Великой отечественной, отождествив протест с народом, а власть – с фашистами. В рамках прикладного использования этой метафоры силовики объявлялись "фашистами" и "карателями" (создавая аллюзию с нацистскими полицейскими подразделениями, сжигавшими в ходе войны белорусские деревни), президент – "агрофюрером", а осуществлявшиеся протестующими акции блокирования дорог и вывода из строя регулирующей автоматики на железнодорожных путях – "партизанским движением". В стороне от этой системы метафор не осталась и российская либеральная интеллигенция – так, Г. Павловский не удержался от сравнения политической лексики Лукашенко с лексикой гауляйтера В. Кубэ[4]. Инвертированная "военно-историческая" метафорика, впрочем, стала не более чем своего рода "новоязом" протестующих, превратившись в дополнительный фактор их интеграции, но никак не в общенациональный язык описания политики, о чем свидетельствуют и перманентные поиски оппозиционными ТГ-каналами альтернативных "точек опоры" в совершенно иных метафорических рядах ("слабовики" и "насиловики" и т.д.). Военно-историческая метафорика стала подкрепляться и противопоставлением "новый – отживший", где ТГ-протест подавался как "революционная борьба нового со старым, технологий с отсталостью страны, молодого современного поколения с динозаврами нецифровой эпохи" [Шульц 2017: 96], и как "борьба с заскорузлым колхозным совком".

В числе использованных технологий [Наумов 2018] оказались и "деанонимизация" силовиков и членов судейского корпуса (в открытом доступе размещались их личные данные, неизвестные покушались на их имущество, поджигали машины и дачи), и героизация нескольких погибших участников протеста, и даже попытка самосожжения, случившаяся ровно тогда, когда у протеста наметилась смысловая пауза. Этот последний, скорбный инцидент внес свой вклад в поддержание эмоционального накала протестующих. Ряд использованных организаторами протеста ходов подпадает под категорию скорее механически скопированных, нежели осмысленных, применение которых лишний раз демонстрирует доминирование готовых технологических схем и решений. Так, в последовательном выводе на улицу всех возможных меньшинств (женщин, пенсионеров, людей с ограниченными возможностями) трудно не увидеть реализацию сформулированного еще П. Акерманом требования максимального представительства [Ackerman, Rodal 2008: 117-118], при том, что реальный уровень социальной защиты пенсионеров и инвалидов в Белоруссии делает их политический протест заведомым оксюмороном. Таким же оксюмороном, впрочем, являлась и провалившаяся попытка организации забастовки на госпредприятиях.

Белорусский протест обрел и ряд уникальных черт, которые явились скорее вынужденной импровизацией – реакцией на политтехнологические провалы.

[4] Павловский Г. Facebook. *Персональный блог.* 30.10.2020. URL: https://www.facebook.com/gleb.pavlovsky/posts/1797001960437902 (accessed 09.04.2021).

Так, власти, во многом за счет жестких действий в первые двое суток выступлений, удалось сбить размах и агрессивность протестов, немедленно были снесены и начавшие было сооружаться баррикады. В силу этого продвигаемая идея национальной свободы (в белорусском контексте – свободы от государства) не обрела своей символической территории (подобно тому, как это сделал украинский майдан). Протесту, несмотря на многочисленные попытки, не удалось зафиксировать за собою особое "символическое пространство", которое стало бы центром развития событий и превратилось бы в плацдарм для дальнейшей экспансии. Майдан, напомним, стал не просто символическим пространством, давшим название всей украинской революции, он трансформировался в полноценный институт, легитимировавший пришедших к власти "революционеров". В Белоруссии этого не произошло, идея не обрела своего материального воплощения. В результате "новый национализм", выделившийся из прежнего порядка, не соединился с существующими институтами, не переманил оттуда гипотетических "софтлайнеров", и не смог породить убедительных новых. Но такой замысел явно присутствовал, активнейшие попытки создать свой институт, с тем, чтобы от его имени потребовать от власти заключения "пакта", предпринимались на протяжении всего периода протестной активности. Впрочем, о схематизме и ограниченной функциональности буквалистски понимаемого "пактового" подхода предупреждали еще Т. Карл и Ф. Шмиттер [Карл, Шмиттер 2004: 18-19].

Белорусский протест стал в чистом виде сетевым и управляемым телеграм-каналами из-за границы, что обусловило одновременно его сильные и слабые стороны. Бесспорно, сильной его стороной было отсутствие видимых центров принятия решений и координации, которые обрели анонимный и трудно отслеживаемый властью характер. Слабой же стала прямо вытекающая из сетевой природы невозможность легитимации не только институтов, но и лидеров: даже на пике интенсивности протест не смог создать их устойчивый пул. По сути, на новый виток развития вышла проблема дефицита легитимности у "цветного" протеста. Традиционно она решалась за счет совмещения протестов с выборами [Харитонова 2014: 201]. Это маскирует слабость оппозиционных лидеров, поскольку обвинения режима в фальсификациях, слабости и "поражении в институциональных рамках" [Пшеворский 2013: 418] позволяют эффективно переложить эту проблему на власть, на "ее темном фоне" любой альтернативный лидер может быть представлен как сильный, моральный, компетентный и привлекательный. Однако в этот раз отсутствие институтов у протеста не позволило реализоваться традиционному сценарию: можно вспомнить красноречивое высказывание Джорджа Сороса, сделанное по поводу эпохи, начавшейся после Брекзита и прихода к власти Трампа – о том, что "все, что могло пойти не так, пошло не так"[5]. Самопровозглашенный Координационный Совет оппозиции, несмотря на все усилия "Нехты", остался собранием людей, которые предприняли неудачную попытку "оседлать процесс", так и не получив уличной легитимности. То же справедливо и в отношении С. Тихановской, титульного оппозиционного кандидата – та стала символом, но никак не лидером. Не смог сетевой протест породить и программы перемен: оформление идеи "национальной свободы" от "советского государства" так и осталось на изначальной

[5] Chrysoloras N., Fouquet H. Soros Sees New Global Financial Crisis Brewing, EU Under Threat. – *Bloomberg*. 29.05.2018. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-05-29/soros-sees-new-global-financial-crisis-brewing-eu-under-threat (accessed 09.04.2021).

дополитической стадии, требованием исключительно эмоционально мотивированного отторжения действующей власти.

Возникла интересная структура противостояния, когда не обретшая никаких убедительных институтов идея протеста стала атаковать государственные институты, утрачивающие в результате политики многовекторности свою идею. Институты в этом противостоянии обнаружили свою эффективность, власть смогла продемонстрировать политическую волю и начала шаг за шагом восстанавливать контроль. Ей удалось в зародыше купировать забастовочное движение, которое, в отличие от иных факторов, могло нести критическую угрозу политсистеме. Срочные визиты Лукашенко на госпредприятия и его прямая коммуникация с рабочими сыграли свою роль, их функционирование было обеспечено твердо и убедительно. В полной мере сохранилась лояльность силового блока и номенклатуры, чему немало способствовала и взятая протестующими на вооружение практика деанонимизации силовиков: эффективная в условиях слабой и колеблющейся власти на Украине технология деморализации в белорусском случае породила обратный результат, усилив консолидацию силового блока вокруг властного центра. Студенческие стачки так и не приняли массового характера. Протестная идея начала блекнуть: движение маргинализовалось, трансформируясь в классово-буржуазное, в его рядах оставался главным образом креативный класс и, предсказуемо, IT-сектор. Власть вполне смогла устоять перед напором улицы, явив жизнеспособность и запас прочности, а противостояние внутри страны перешло в позиционную фазу, и главную роль в нем стали вынужденно брать на себя уже внешние игроки.

Идея, не обретя легитимных институтов, ответственных за ее прикладную интерпретацию, девальвируется, в этом нет ничего принципиально нового. Вопрос в том, имела ли шансы протестная идея свободы, обретшая форму национализма (“новой нации”, отторгающей “постсоветское авторитарное прошлое”), такие институты создать? Действительно, программа протестов была и остается вполне в духе “негативной свободы” Вольтера[6]. Вольтер определял ее как “естественное состояние”, утерянное с появлением собственности и государства. При такой постановке вопроса понятно, кого следует обвинять в утере, а также, что утрату можно и до́лжно восстановить, противостоя государству, но совершенно непонятно, как определить, что утерянное найдено. В силу логики “антинациональности” государства объектом непримиримой борьбы становятся все без исключения его институты. Белорусское государство и персонализирующий его президент, вполне в духе этой метафоры, “повинны” в отсутствии свободы: в ход пошли даже призывы к саботажу коммунальных платежей и немедленному снятию денег со счетов в банках. Позитивной составляющей “проекта завтрашнего дня” в рамках данной парадигмы не может возникнуть в принципе. Собственно, этой “логической ловушкой” и обусловлена довольно быстрая смена “точки опоры”, принявшая формат освоения протестным процессом национализма. Но и там ситуация оказалась ничуть не легче, проблемой стало отсутствие исторически релевантных и сохраняющих актуальность образцов, в силу чего протестная идея “рожде-

[6] “Первый, кто, оградив участок земли, вздумал сказать: ‘это мое’ – и нашел достаточных простаков, которые ему поверили, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы человеческий род тот, кто, вырвав колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому” [Вольтер 1947: 467]. Монтескье и Руссо, создавая концепции разделения властей [Монтескье 1999: 63, 68, 137] и “общей воли” [Руссо 2013: 130], пытались минимизировать разрушительный потенциал этих идей Вольтера.

ния новой нации" так и осталась симулякром. Пример украинского майдана, в схожих условиях якобы все же породившего "новую украинскую нацию", представляется нерелевантным – как известно, в украинских событиях цивилизационным образцом и целью революции была Европа, но ни в коем случае не пришедшие к власти националисты. "Европейской идеи", по крайней мере в явном виде, в белорусских протестах не было, к тому же она вряд ли сработала бы – после украинских событий в Белоруссии она не обладает достаточной привлекательностью. Соответственно, не возникло и позитивной программы, протесты оказались самоценны и самодостаточны – вследствие чего после яркой вспышки стали затухать, постепенно маргинализуясь.

Отсутствие институтов, которые имели бы легитимное право на прикладную интерпретацию идеи протеста, привело к неуправляемости: любое управление оказывалось возможным лишь поскольку оно вписывалось в изначальную простую парадигму противостояния. Лидеры протеста – в какой мере о них вообще возможно вести речь – обнаружили себя в ситуации, когда любая попытка рационализировать его динамику немедленно воспринималась как этически неприемлемая сделка с властью. Бескомпромиссность протестующих, неизменно требовавших от власти исключительно капитуляции "системы в целом", в качестве ответной реакции усиливала консолидацию номенклатуры. Украинский пример был свеж, и угроза вынужденной эмиграции в случае победы революции, бесспорно, являлась для ее представителей мощнейшим мобилизующим фактором. В результате противостояние внутри страны обрело признаки классической "дилеммы заключенного", где отступление и поиск компромиссов любой из сторон будут вести к очевидно наихудшим для них исходам и перестают рассматриваться в качестве возможной альтернативы.

В жанре позиционной борьбы власть продолжила медленно, но неуклонно набирать очки, а протест, по мере остывания эмоций, стал столь же последовательно терять внутриполитическую перспективу, вырождаясь во флешмобы. Наметившийся надлом логичным образом стал побуждать к вступлению в игру внешних стейкхолдеров, в первую очередь – тех, кто сделал ставку на перемены: те стали срочно "фиксировать прибыль", стремясь создать отсутствующие институты протеста уже за рубежом. Речь шла, впрочем, не столько о победе, сколько об оформлении завоеванных на первой фазе протестов позиций. Выяснилось, что ставки на противостояние были сделаны весьма серьезные, и собственно Белоруссии в этом раскладе отводилась по большому счету объектная роль.

ПОЛЬША И ЛИТВА: БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ?

Непримиримую позицию по отношению к белорусскому режиму заняли Польша и Литва, де-факто провозгласившие себя территорией идеи "белорусской свободы". Последняя даже поспешила решением Сейма признать С. Тихановскую избранным президентом Белоруссии и ввести персональные санкции против Лукашенко[7]. В новых условиях Польша и Литва взяли курс на реализацию "венесуэльского варианта", логичным завершением стало бы формирование вокруг Тихановской своего рода "правительства в изгнании". Правда, последнее сомнительно: протест, не сумевший создать свои институты внутри страны, вряд ли сможет их легитимировать и в заграничном варианте. Тем не менее, уместно отметить: такой ход был не только рискованным, но и откровенно

[7] Сейм Литвы назвал Тихановскую "избранным президентом Белоруссии". – *РИА Новости.* 10.09.2020. URL: https://ria.ru/20200910/tikhanovskaya-1577064124.html (accessed 31.10.2020).

спорным: поскольку ОБСЕ, сославшись на не вовремя полученное приглашение, не прислала своих наблюдателей на выборы, суждения стран ЕС о легитимности выборов, и уж тем более об их исходе, изначально оказывались лишены правовых оснований. Это было вынужденное решение, закрывающее иные альтернативы, "билет в один конец". Но где и когда две соседние с Белоруссией страны перешли Рубикон? (Литва при этом существенно зависела от транзита белорусских грузов через Клайпеду.) Ведь ни Варшава, ни Вильнюс никогда ранее не испытывали проблем коммуникации с белорусским режимом.

В первые дни протестов Лукашенко, как известно, обвинил Польшу в территориальных притязаниях на белорусское Гродно и часть Гродненской области. Эти обвинения, разумеется, были с гневом отвергнуты Польшей в качестве абсурдных, а внутри страны были интерпретированы оппозицией в качестве неуклюжей попытки белорусской власти найти внешнего врага. Но если мы отмотаем ленту событий чуть назад, мы обнаружим, что основания для такого суждения у Лукашенко были.

Действительно, меньше чем за неделю до выборов Минск находился в жесткой конфронтации с Москвой, в Белоруссии были арестованы 33 россиянина, обвиненных в том, что они принадлежат к частной военной компании, направившей их в Белоруссию для организации беспорядков. Заподозрив Москву в попытке госпереворота, Минск тогда немедленно анонсировал военные учения на восточной границе Белоруссии. Худший вариант, о возможности которого потом часто говорил белорусский президент, мог бы представлять собой ситуацию, когда силы и ресурсы, на которые могла бы положиться белорусская власть, находились не в то время и не в том месте. Так, недостаточная концентрация сил в столице в первую неделю протестов легко могла иметь следствием коллапс власти. Наступающий в таком случае хаос теоретически мог бы быть использован как предлог для "гуманитарной интервенции" Запада под эгидой Польши – поскольку та стабильно проводит политику опеки этнических поляков на "крэсах всходних"[8]. В ее рамках регулярно фиксируются "факты дискриминации поляков в Белоруссии"[9]. Польша могла бы откликнуться на призывы ряда польских деятелей[10] и заявить о миссии обеспечения безопасности проживающего в Белоруссии польского меньшинства (т.е. обладателей "карты поляка") в условиях коллапса власти. Таковых на сегодня – около 140 тыс.[11]. Подозрения в вероятности существования такого сценария усугубляются тем фактом, что НАТО начало неплановые учения у западных границ Белоруссии сразу после выборов[12], а ОДКБ, не будь Россией оперативно выявлен в истории с арестованными россиянами украинский след, не могла бы вмешаться в конфликт, поскольку российские вооруженные силы были бы заблокиро-

[8] Гулевич В. Белоруссия в польской политике. – *Международная жизнь*. 12.07.2018. URL: https://interaffairs.ru/news/show/20174 (accessed 31.10.2020).

[9] Rada Naczelna ZPB o dyskryminacji Polaków na Białorusi (zdjęcia). – *Znadniemna.pl.* 28.01.2019. URL: http://znadniemna.pl/36294/rada-naczelna-zpb-o-dyskryminacji-polakow-bialorusi-zdjecia/ (accessed 31.10.2020).

[10] Степушова Л. Nexta и координаторы протестов. – *Pravda.ru.* 02.09.2020. URL: https://www.pravda.ru/world/1524985-polska/ (accessed 31.10.2020).

[11] Невероятно! Около 140 тысяч белорусов получили карту поляка и это не предел. – *Белорусский партизан*. 2019. URL: https://belaruspartisan.by/life/477941/ (accessed 31.10.2020).

[12] Баранец В. США двинули танки к границе Белоруссии. – *Комсомольская правда*. 04.09.2020. URL: https://www.kp.ru/daily/217178.5/4282085/ (accessed 31.10.2020).

ваны белорусскими на восточных границах Белоруссии. В эту канву ложится и заявление министра обороны Белоруссии В. Хренина[13], прямо обвинившего Запад в гибридной войне против его страны, и в связи с этим указавшего, что за последние годы у границ Белоруссии количество учений стран НАТО выросло в 5 раз, а военная группировка НАТО – увеличилась в 17 раз.

Такая комбинация факторов сложилась не спонтанно. Из высказываний ряда украинских политиков[14] известно, что проект провокационной заброски в Белоруссию "российской ЧВК" начал разрабатываться еще год назад при непосредственном участии американских спецслужб. "Сработать" он мог только при условии 1) невыхода Лукашенко за пределы парадигмы *chicken game* и 2) его недоверия к России: культивирование этих двух факторов было осознанной политикой. Свой вклад в укрепление первого внесли уже упомянутые визиты Болтона и Помпео в Минск. Укреплению второго служила кампания блогера С. Тихановского, позиционировавшего себя как "пророссийского" кандидата и реализовавшего жесткий сценарий "расчеловечивания" власти и оскорбительных персональных атак на Лукашенко. Также пророссийским представлялся власти и арестованный в начале кампании по обвинениям в отмывании денег банкир Бобарико.

Решающим для разрыва этой логической цепочки событий – и немедленного выхода белорусского президента из парадигмы *chicken game*, а также пересмотра политики многовекторности, стали российское расследование, выявившее в истории с ЧВК украинский след[15], и последовавший за ним телефонный звонок[16] Путина Лукашенко. По его итогам инцидент с 33 россиянами был исчерпан: им принесли извинения и немедленно отправили на родину. Отношения доверия восстановились, и это позволило Лукашенко уже в самом начале протестов обратиться к России с запросом на обеспечение безопасности на основании ст. 2 Договора о создании Союзного государства[17] и ст. 2 Договора о коллективной безопасности[18]. Этот запрос был незамедлительно принят. Минск и Москва оперативно начали совместные учения "Славянское братство"[19] уже на западной границе Белоруссии, в силу чего любые сценарии внешнего силового вмешательства оказались физически исключены. Фактор России, до выборов отодвинутый было на периферию белорусской политики, мгновенно превратился в ключевой, который в итоге и сыграл главную стабилизирующую роль[20].

[13] Калинина В. Хренин заявил о попытках ведения гибридной войны против Беларуси. – *Newsbel.by*. 04.09.2020. URL: https://newsbel.by/09/04/hrenin-zayavil-o-popytkah-vedeniya-gibridnoy-voyny-protiv-belarusi/?utm_source=yxnews&utm_medium (accessed 31.10.2020) .

[14] Свобода слова Савика Шустера. Каму Лукашэнка бацька. – *Yapolitic.ru*. 04.09.2020. URL: https://yapolitic.ru/12385-svoboda-slova-savika-shustera-kamu-lukashenka-backa-040920 (accessed 31.10.2020).

[15] Коц А. Арест 33 россиян в Минске оказался провокацией спецслужб Украины. – *Комсомольская правда*. 06.08.2020. URL: https://www.kp.ru/daily/217165/4266019/ (accessed 31.10.2020).

[16] Путин и Лукашенко обсудили задержание 33 россиян. – *РИА Новости*. 07.08.2020. URL: https://ria.ru/20200807/1575489779.html (accessed 31.10.2020).

[17] *Информационно-аналитический портал Союзного государства. Договор о создании союзного государства*. 2020. URL: https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva (accessed 31.10.2020).

[18] ОДКБ. Договор о коллективной безопасности. 2020. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (accessed 31.10.2020).

[19] "Славянское братство": Москва прислала на учения в Беларусь 300 десантников и одного министра. – *BBC News*. 16.09.2020. URL: https://www.bbc.com/russian/features-54167158 (accessed 31.10.2020).

[20] Немецкий эксперт: позиция Путина заставила Запад отступить от Белоруссии. – *Радио Спутник*. 02.09.2020. URL: https://radiosputnik.ria.ru/20200902/putin-1576626593.html (accessed 31.10.2020).

Такая версия представляется наиболее логичным объяснением факта непримиримости Литвы и Польши по отношению к устоявшей белорусской власти: очевидно, "после Рубикона" там уже не видят иных альтернатив, и это заметно контрастирует с поведением этих стран до выборов. Видимо, из такого же понимания исходит и белорусская власть: Польше и Литве, единственным из стран Евросоюза, было предписано двукратное сокращение штата посольств и понижение уровня диппредставительства[21]. В обозримом будущем белорусский грузопоток должен быть переориентирован с литовской Клайпеды на российскую Усть-Лугу. Польша начала готовиться к принятию миграционного оттока разочарованных, впрочем, отток вряд ли будет массовым. Тем не менее, внутренние расклады в Белоруссии он качественно изменятся, поскольку часть оттока будут составлять солидаризировавшиеся с протестами представители западноориентированных элит.

Маргинализация протестной идеи

Почему же основная масса населения оказалась невосприимчивой к идее "новой свободной нации" – тогда как упорное меньшинство продолжает регулярно выходить на демонстрации протеста? Ответ, наверное, следует искать не только в индустриальной ориентации Белоруссии, в силу чего лояльность рабочего класса обеспечила локализацию протестов, но и в ее лимитрофной природе. "Лимитрофность", характеризующая большинство стран ЦВЕ, обуславливает их политику балансирования между центрами силы, и любые декларации являются языком коммуникации с внешними контрагентами, но не когнитивной основой политического мышления. В Белоруссии оно несколько архаично: политические ценности для белорусов значимы в первую очередь в той мере, в которой они подкрепляются квантифицируемым ресурсом, что неизменно подтверждается эмпирическими исследованиями [Заико, Романчук 2011]. Именно поэтому протестный призыв к уничтожению системы не мог надолго воспламенить большинство; оно, воспламенившись, быстро остыло, а система по сути получила "иммунитет" к новым протестам.

Протестная активность сохранялась до конца 2020 г., что обуславливалось двумя разнородными факторами. Первый из них – IT-сектор, на всех этапах развития протестов так или иначе принимавший в них активное участие. С точки зрения его представителей, речь идет о классической буржуазной революции, где представители нового имущего класса, ощущающего себя в качестве глобальной силы, способной навязать свой формат социального контракта, где налагаемых государством обременений должно стать гораздо меньше, либо не быть вовсе. Примеры такого рода обременений в практике белорусского государства, это передача преуспевающим субъектам хозяйствования "шефства" над колхозами, на этой основе и появился протестный мем "агрофюрера", адресуемый белорусскому президенту. Протест для этой страты прагматичен, а значит, дальнейшее ее участие предсказуемо: часть сектора мигрирует, а оставшаяся – на определенном этапе заключит пакт с властью.

Второй фактор – это романтичный национализм молодежи, который ни в каких материальных опорах не нуждается. Этот слой воспринял идею национальной свободы как непримиримой борьбы с "неправильной властью" всеми доступными способами. В отношении него уместно говорить о вере,

[21] Minsk Obliged Poland and Lithuania to Reduce the Number of Diplomats in Belarus. – *Ореанда*. 02.10.2020. URL: https://www.oreanda.ru/en/gosudarstvo/politic1/minsk-obliged-poland-and-lithuania-to-reduce-the-number-of-diplomats-in-belarus/article1339079/ (accessed 31.10.2020).

захватившей умы некоторой части студенчества, на некоторое время переставшей соотноситься с реальностью, и ставшей этапом ее социализации. Эта "вторая волна национализма", повторяя судьбу первой волны 1990-х годов, уже активно вытесняется на обочину политического процесса и, по мере накопления разочарования, также становится маргинальной.

Отдельным вопросом является трансформация идеи *свободы* ("нации") *от государства*, которая стала в итоге единственным содержанием белорусских протестов. Их активность, масштаб и продолжительность обусловлены прежде всего технологиями. Организаторы привнесли в них элементы гейминга, превратив выход на очередную акцию в захватывающий воображение молодежи квест и челлендж. Социальные сети проявили себя самым ярким образом в разжигании белорусской революции. Еще М. Фуко отметил парадокс, когда, с появлением мануфактур, переход государства от практики дискретного и в силу этого брутального контакта с обществом к практике повседневного его контроля (что на деле кардинально сузило пространство реальной свободы), был единодушно назван гуманизацией [Фуко 2015]. Впрочем, многое часто легитимируется тем, что отрицает. В полном соответствии с этим принципом, на поверку социальные сети, объединяя, разъединяют. Они де-факто стимулируют появление изолированных ценностно интегрированные групп, которые "варятся в собственном соку", не испытывая дискомфорта коммуникации с носителями иных ценностей. Порою они даже не подозревают об их существовании – что не случайно (как выясняется в ходе показаний в Конгрессе США, которые дают главы *Facebook*, *Google* и *Amazon*[22]) и изначально задается программными алгоритмами. Синтез технологий и сетей обусловил феномен управляемой толпы[23], которая позволяет дистанционно, в онлайн-режиме и из-за рубежа осуществлять координацию действий, генерируя флеш-мобы с помощью телеграм-каналов. Но этот метод оказался ригидным в отношении любой попытки привнести элемент рационализации в протест. В итоге протестная идея подверглась постмодернистской редукции до чистого символа, "совершенного симулякра" [Бодрийяр 2015: 32]. Обусловив массовость протеста, эта идея одновременно закрыла и без того гипотетические возможности своей содержательной эволюции. Признаем в очередной раз справедливость озвученного Гюставом Лебоном [Лебон 1995] еще в конце XIX в. тезиса: качество толпы как отдельного социального образования никак не зависит от индивидуальных качеств составляющих ее людей, "цифровая толпа" в этом отношении качественно не отличается от толпы классической.

Глобальность информационного пространства сделала эту трансформацию реальностью, выходящей за пределы белорусского контекста. История не засчитывает неудачные попытки, и очередной провал "цветной" революции наносит сильнейший удар по лежащим в их основе идеям. Это критично: до сих пор каждая новая "цветная" революция по сути начинала с той смысловой точки, которая была достигнута в ходе предыдущей, повторяя в общих чертах не только технологии, но и легитимирующие их использование идеи. Подтверждая это, недавние скоротечные протесты, организованные в России фондом Навального, стилистически и организационно копирующие уже "свежий" белорусский опыт, "не замечали" того, что в Белоруссии в конкуренции идей и институтов победили институты, а "постмодернистски редуцированные" идеи заметно поблекли.

[22] Герасюкова М. "Вы следите за нами": Цукерберг дал показания конгрессу. – *Газета.ру.* 11.04.2020. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/04/11/11713993/zuck_congress.shtml (accessed 23.12.2020).

[23] Автор здесь и далее опирается на свой опыт включенного наблюдения за протестами в августе и начале сентября.

Это тонко почувствовали страны "старой Европы", заняв выжидательную позицию. Так, заявления ряда стран ЕС о нелегитимности Лукашенко[24] вряд ли обретут международно-правовое измерение и, скорее всего, останутся в статусе не обязывающей декларации. Состоялись встречи лидеров Франции[25] и Германии[26] с С. Тихановской. Но как и иные встречи с ней на высоком уровне они не имели ничего общего с ее возможным признанием в качестве легитимной власти, скорее представляя собой классический "торг действиями", довольно прозрачный месседж для Минска и Москвы, целью которого было простимулировать последних к включению Парижа и Берлина в обсуждение белорусского вопроса через посредничество ОБСЕ. Требование "пакта" для европейских столиц явно является разменным ресурсом в рамках ожидаемого переговорного торга даже не столько с белорусским режимом, сколько с Россией. Последнее уже вполне почувствовала Тихановская, заявившая с интервью "Нью-Йоркеру" о разочаровании в европейских политиках, "постоянно оглядывающихся на Россию"[27].

США же однозначно сделали свой выбор в пользу институтов государства, что, соответствовало привычной Трампу парадигме реализма. Еще в конце сентября 2020 г., когда протесты явно миновали свой пик, комитет по международным делам сената США одобрил, а в декабре сенат единогласно утвердил кандидатуру Дж. Фишер на должность посла в Белоруссии[28]. На момент слушаний в комитете было очевидно, что верительные грамоты та будет вручать президенту Лукашенко, де-факто и де-юре признавая его легитимность, и тем самым во многом девальвируя жесткую нормативную риторику Запада в его адрес. Финальным же месседжем стал звонок госсекретаря Помпео Лукашенко, сделанный накануне истечения срока "ультиматума", предъявленного Тихановской белорусской власти. Это как раз тот случай, когда символика куда важнее содержания: неважно, о чем шел получасовой разговор, важно, что, коммуницируя с Лукашенко накануне "судьбоносной" акции протестующих, США тем самым де-факто признали легитимность белорусского президента и дистанцировались от дальнейшей судьбы белорусского протеста.

БЕЛОРУССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Минск, сохранив субъектность, будет теперь вынужден приступить к пересборке и перезагрузке белорусской политсистемы. Очевидным трендом уже анонсированной конституционной реформы станет увеличение роли и веса политических институтов: несостоявшаяся революция показала, что персонализированность политсистемы легко может обернуться высокими рисками. Но если с традиционными институтами картина более-менее ясная – так, уже сменились главы православной и католической церквей, – то с партийной системой Белоруссии, находящейся в неразвитом состоянии, все гораздо сложнее. Тому есть как минимум

[24] Страны Евросоюза не признают легитимность Лукашенко. – *РИА Новости*. 23.09.2020. URL: https://ria.ru/20200923/evrosoyuz-1577668286.html (accessed 31.10.2020).

[25] Макрон оконфузился, не сумев выговорит фамилию Тихановской во время встречи. – *Politikus.ru*. 29.09.2020. URL: https://politikus.ru/events/131628-makron-okonfuzilsya-ne-sumev-vygovorit-familiyu-tihanovskoy-vo-vremya-vstrechi.html (accessed 31.10.2020).

[26] Эксперт объяснил, почему Меркель согласилась встретиться с Тихановской. – *РИА Новости*. 06.10.2020. URL: https://ria.ru/20201006/merkel-1578441855.html (accessed 31.10.2020).

[27] Тихановская разочаровалась в оглядывающихся на Россию европейских политиках. – *Лента.ру*. 14.12.2020. URL: https://lenta.ru/news/2020/12/14/oglyad/ (accessed 22.12.2020).

[28] Сенат США утвердил кандидатуру Фишер на пост нового посла в Минске. – *ТАСС*. 16.12.2020. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10266737 (accessed 22.12.2020).

две причины: мажоритарная система выборов в парламент и отсутствие крупных хозяйствующих субъектов, заинтересованных в регулярном участии в политике. Ключевые субъекты экономики решают свои проблемы напрямую с государством, не нуждаясь в дополнительном партийном посреднике, запрос на публичную политику генерирует только оппозиционный IT-сектор. Введение пропорциональной или смешанной системы выборов в парламент само по себе проблему не решит, оно очевидно должно сопровождаться непривычной для Белоруссии политизацией всей экономической системы. Но, возможно, именно к этому варианту разрешения кризиса склоняется власть, подавая недвусмысленные сигналы о готовности дать "зеленый свет" партиям и согласиться с возникновением легализованной оппозиции. Такой вариант может оказаться вполне эффективным в случае включения прагматичной части протеста в политсистему, после чего на улицах останется только его радикальная националистическая часть. Но одного институционального конструирования будет недостаточно.

Не меньшая проблема, обозначенная протестами, – это дефицит идеологии (как в рядах оппозиции, так и во власти), позволяющей генерировать устойчивую картину будущего. Сам по себе концепт порядка недостаточен для полноценной и устойчивой легитимности, тем более при таком оппоненте, как "новый национализм". Тактически власть смогла извлечь достижимый максимум. В начале февраля 2021 г. она нанесла сильнейший удар по репутации "новой оппозиции" и вернула себе доминирование в информационном поле. На государственном телеканале ОНТ прошел недельный документальный сериал "Ложь беглых"[29], где были продемонстрированы записи оперативных прослушек телефонных переговоров и закрытых зум-конференций находящихся большей частью за рубежом координаторов протеста. В них обсуждались не ценности революции, а главным образом факты масштабных хищений собранных "под Тихановскую" в Белоруссии и полученных от Запада средств. Показ собрал рекордную аудиторию и полностью дискредитировал протесты, реализовав одновременно и задачи контрпропаганды и продемонстрировав населению высокую квалификацию национальных спецслужб: начиная со второго выпуска, в нем демонстрировались все самые свежие переговоры руководства "новой оппозиции", где с нарастающей паникой обсуждался уже сам сериал. Отдельным посланием, уже Литве, стала озвученная в рамках проекта информации о коррупционной вовлеченности ее представителя в освоение выделенных "на борьбу с белорусским режимом" средств. В результате этой информационной спецоперации "новая оппозиция" лишилась какой бы то ни было идеологической привлекательности и стала восприниматься большей частью населения как нечистоплотный бизнес-проект обогащения организаторов. Показательно, что состоявшееся 11-12 февраля 2021 г. VI Всебелорусское народное собрание прошло на фоне полного отсутствия протестной активности, и уверенно подтвердило легитимность действующей власти.

Тем не менее в стратегической перспективе политика многовекторности, а Минск по инерции заявляет о ее сохранении, в принципе исключает возможность стабильной идеологии. В сложившихся условиях эта политика явно сопряжена с риском. Но и легитимация любой альтернативы в сложившихся условиях проблематична, для ее внедрения нужно не только идеологическое фундирование, но и экономический рост, а в непосредственной "пандемийной" перспективе он невозможен. Вопрос о новых ценностях по определе-

[29] О риторике белорусской оппозиции в заявлениях для прессы и для "своих". Рубрика "Будет дополнено". – *ОНТ*. 29.01.2021. URL: https://ont.by/news/o-ritorike-belorusskoj-oppozicii-v-zayavleniyah-dlya-pressy-i-dlya-svoih-rubrika-budet-dopolneno (accessed 19.02.2021).

нию получается отложенным, и станет актуальным, скорее всего, уже после внесения поправок в конституцию, что должно произойти на референдуме в начале 2022 г. Это будет означать, что формирование идеологической компоненты будет отдано "на откуп" партиям, в то время как власть попробует занять привычную для себя позицию центрального арбитра.

Для России это предполагает новые риски, к которым она не вполне готова, поскольку традиционно не взаимодействует с негосударственными акторами других стран, каковыми являются и партии. Правда, в рамках института Союзного государства есть Парламентское Собрание Союза Беларуси и России: в последнем представлены действующие депутаты Государственной Думы и Национального собрания Республики Беларусь, формирующие в его рамках бюджет СГ и принимающие отчеты по его исполнению. Текущая ситуация может способствовать повышению его роли, но это вовсе не будет означать возможности прямо влиять на процесс оформления своих идеологий укрепляющимися белорусскими партиями.

Возможных новых идеологий в белорусском политическом пространстве вырисовывается несколько. Наиболее перспективным представляется евразийство – тем более что на сегодня оно по большому счету является скорее "оболочкой", нежели готовой системой ценностей, и может без проблем быть наполнено актуальным содержанием. Положительным фактором может являться и текущее председательство Белоруссии в ЕЭК: в евразийском развороте Белоруссии заинтересованы все его члены, поскольку ее промышленное производство и без того ориентировано на евразийский рынок. Очевидно, что от этого явно выиграет Россия. Кроме того, такая смена вектора может помочь белорусской власти примирить мятежный IT-сектор, переориентировав его на евразийский рынок с программой "цифровой индустриализации". Впрочем, это возможно только при условии соответствующей поддержки России. В ином случае IT-сектор будет ориентирован на создание прозападной партии, которая, учитывая накопленный в ходе протестов опыт, может оказаться быстро растущим политическим игроком. Третьим игроком могут оказаться социал-демократы, этой ценностной ориентации придерживаются ряд партийных игроков, включая коммунистов, намеренных использовать открывающиеся возможности для роста. Но социал-демократы могут быть с равным успехом ориентированы как на Россию, так и на европейский Запад. В этом плане "белорусский вызов" для России в части грядущей конституционной реформы означает необходимость выстраивания, наряду с межпарламентской, межпартийной политики, превращая последнюю в активный фактор, способный действовать в публичном пространстве.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07

BELARUS: A NEW GEOPOLITICAL REALITY?

K.E. Koktysh[1]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

KOKTYSH, Kirill Evgen'evich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor of Department of Political Theory, MGIMO University, email: kirill.koktysh@gmail.com

Koktysh K.E. Belarus: A New Geopolitical Reality? – Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 91-110. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07

Received: 02.11.2020. Accepted: 29.01.2021

Abstract. The scaled post-electoral protests in Belarus raised a number of questions both in practice and in political theory. Was it just one more attempt at a "color revolution", or was I an outburst that can be logically explained in terms of internal contradictions and mistakes made by the authorities? Why did the level of political technologies used by the protesters, which was high, not affect the outcome of the Belarusian confrontation? Among the reasons for the latter, the author singles out the protest's failure at creating its own "symbolic space" which could become a semantic and "power" center, the failed attempts to split the ruling elite after which the enemy was declared as being "the system as a whole", and the negative concept of freedom adopted by the protest, which in fact goes back to Voltaire's tradition, within which freedom is "something that was lost" when state emerged but not something that can be defined in a positive way. It is easy to see that within such a cognitive framework the enemy of freedom can be clearly identified (this being the state), but it is completely unclear what freedom is and how and at what point it can be obtained. The uncertainty of this concept quickly transformed into the certainty of nationalism, and the protest began to take shape as a "confrontation of the new nation" with the "obsolete state". At the same time, there was not, and could not be, any positive program of "tomorrow". The state also suffered losses: "pro-Belarusian" ideology (previously a synthesis of the concept of order and the concept of cultural nationalism) split, leaving the state with a "naked" concept of order, while the protesters privatized nationalism. In addition, as part of the pragmatism of normalization in the West's direction after 2014, the Belarusian regime actually turned a blind eye to the loss of its own dominance in the information space. As a result, the struggle took the form of a confrontation between "ideas without institutions versus institutions without a national idea", i.e., the idea of a new nationalism and the idea of order. The latter turned out to be a win for the state and a loss for the protest: the protest idea eventually degraded to a simulacrum, the meaningful management of which is hardly possible. The author also questions how the "reassembly" of the Belarusian political system can occur – it is supposed to start with the adoption of amendments to the constitution. The configuration of latter will most likely take the form of an increased role for parties, which runs the risk that the current confrontation may not be resolved but transformed, acquiring other forms. In this regard, Russia will have to add inter-party diplomacy to the institution of inter-parliamentary diplomacy.

Keywords: Belarus, protests, color revolution, concepts of liberty, geopolitics.

References

Ackerman P., Rodal B. 2008. The strategic dimensions of civil resistance. – *Survival. Global Politics and Strategy*. Vol. 50. No. 3. P. 111-126. https://doi.org/10.1080/00396330802173131

Baudrillard J. 2000. La Transparence du Mal. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Prozrachnost' zla*. Moscow: Dobrosvet. 257 p.).

Baudrillard J. 2015. Simulacres et Simulation. (Russ. ed. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow: POSTUM Publishing house. 240 p.).

De Montesquieu. 1999. De l'esprit des loix. (Russ. ed: De Montesquieu. *O dukhe zakonov*. Moscow: Mysl'. 674 p.).

Eco U. 2007.A passo di gambero: Guerre calde e populismo mediatico. (Russ. ed.: Eco U. *Polnyi nazad! "Goryachie voiny" i populizm v SMI*. Moscow: Eksmo. 592 p.).

Foucault M. 2010. La Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978-1979). (Russ. ed.: Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978-1979 uchebnom godu*. St. Petersburg: Nauka. 448 p.).

Foucault M. 2015. Surveiller et punir: Naissance de la prison (Russ.ed.: Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow: OOO "Ad Marginem Press". 500 p.).

Hirschman A.O. 2009. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. (Russ. ed.: Hirschman A.O. *Vykhod, golos i vernost'. Reaktsiya na upadok firm, organizatsii i gosudarstv*. Moscow: Novoe izdatelstvo. 156 p.).

Karl T.L., Schmitter Ph. 2004. Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations). – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 6-27. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02

Kharitonova O.G. 2014. Color Revolutions in the Context of Democratization Theories. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 184-210. (In Russ.)

Koktysh K.E. 1999. *Transformatsiya politicheskogo rezhima Respubliki Belarus'. 1990-1999* [Transformation of the Political Regime in the Republic of Belarus, 1990-1999]. Moscow: MONF. 187 p. (In Russ.)

Koktysh K.E. 2019. *Teoriya metafory i politicheskie instituty: uchebnoe posobie* [Metaphor Theory and Political Institutions: A Study Guide]. Moscow: MGIMO-University. 225 p. (In Russ.)

Le Bon G. 1995. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. La Psychologie des Foules. (Russ. ed.: Lebon G. *Psixologiya narodov i mass*. St. Petersburg: Maket. 311 p.) .

Naumov A.O. 2018. Traditional and New Media as Actors of Color Revolutions. – *DISCURS-P*. No. 3-4. P. 79-87. (In Russ.) https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987

Neumann J. von, Morgenstern O. 1970. Theory of Games and Economic Behavior. (Russ. ed.: Neumann J. von, Morgenstern O. *Teoriya igr i ehkonomicheskoe povedenie*. Moscow: Nauka. 983 p.).

Parsons T. 1993. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. (Russ. ed.: Parsons T. Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya. – *THESIS. Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. Vol. 1. No. 2. P. 94-122).

Pocheptsov G. 2005. [Revolution com. Fundamentals of Protest Engineering]. Moscow: Europe Publishing House. 532 p. (In Russ.)

Przeworski A. 2013. Political Institution and Political Order(s). (Russ. ed.: Przeworski A. Politicheskii institut i politicheskii poryadok. – *Demokratiya v rossiiskom zerkale*. Moscow: MGIMO-University. P. 398-428).

Rousseau J.-J. 2013. Du contrat social ou Principes du droit politique. (Russ. ed.: Rousseau J.-J. Obshchestvennyi dogovor, ili Nachala politicheskogo prava. – Rousseau J.-J. *Politicheskie sochineniya*. St. Petersburg: Rostok. P. 116-239.)

Shults E.E. 2017. Color Revolutions: Methodological Problems of Theoretical Generalizations. – *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 13. No. 2. P. 88-99.

Terterov G. 2016. "Color Revolutions". – *21st Century*. No. 3. P. 16-26. (In Russ.) URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/21_Vek_03_2016.pdf (accessed 20.04.2021).

Tsymburskii V.L. 2000. *Rossiya – Zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i ee geopolitika* [Russia – the Land beyond the Great Limitrof: Civilization and Its Geopolitics]. Moscow: Editorial URSS. 144 p. (In Russ.)

Voltaire F.M.A. 1947. Filosofskie dialogi i fragmenty [Philosophical Dialogues and Fragments]. – Voltaire F.M.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: OGIZ. Goslitizdat. P. 457-553.

Zaiko L., Romanchuk Y.A. 2011. *Belarus' 20/20 v labirinte ehkonomicheskoi identichnosti* [Belarus 20/20 in the Labyrinth of Economic Identity]. Minsk. 659 p.

Литература на русском языке:

Бодрийяр Ж. 2000. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет. 257 с.

Бодрийяр Ж. 2015. *Симулякры и симуляции*. М.: ПОСТУМ. 240 с.

Вольтер. 1947. Философские диалоги и фрагменты. – Вольтер. *Избранные произведения*. М.: ОГИЗ; Гослитиздат. С. 457-553.

Заико Л., Романчук Я. 2011. *Беларусь 20/20 в лабиринте экономической идентичности*. Минск. 659 с.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. 2004. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций). – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-27. https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02

Коктыш К.Е. 1999. *Трансформация политического режима в Республике Беларусь, 1990-1999*. М.: МОНФ. 187 с.

Коктыш К.Е. 2019. *Теория метафоры и политические институты: учебное пособие*. М.: МГИМО-Университет. 225 с.

Лебон Г. 1995. *Психология народов и масс*. СПб.: Макет. 311 с.

Монтескье Ш.Л. 1999. *О духе законов*. М.: Мысль. 1999. 674 с.

Наумов А. 2018. Традиционные и новые медиа как акторы "цветных революций". – *Дискурс-Пи*. № 3-4. С. 79-87. https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987

Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. 1970. *Теория игр и экономическое поведение*. М.: Наука. 983 с.

Парсонс Т. 1993. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. – *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. Т. 1. № 2. С. 94-122.

Почепцов Г. 2005. *Революция.com. Основы протестной инженерии*. М.: Европа. 532 с.

Пшеворский А. 2013. Политический институт и политический порядок. – *Демократия в российском зеркале*. М.: МГИМО-Университет. С. 398-428.

Руссо Ж.-Ж. 2013. Общественный договор, или Начала политического права. – Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. СПб.: Росток. С. 116-239.

Тертеров Г. 2016. Цветные революции. – *21-й век*. № 3. С. 16-26.

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году*. СПб.: Наука. 448 с.

Фуко М. 2015. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс. 500 с.

Харитонова О.Г. 2014. Цветные революции в контексте теорий демократизации. – *Политическая наука*. № 3. С. 184-210.

Хиршман А.О. 2009. *Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Новое издательство. 156 с.

Цымбурский В.Л. 2000. *Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. М.: Едиториал УРСС. 144 с.

Шульц Э.Э. 2017. "Цветные революции": некоторые проблемы методологии исследования. – *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Т. 13. № 2. С. 88-99.

Эко У. 2007. Полный назад! "Горячие войны" и популизм в СМИ. М.: Эксмо. 592 с.